

Археологические вести

— 27 —

Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 27 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Долгожданный ответ на давний вопрос. Рецензия на книгу В. Г. Лазаренко «Ахилл — бог Северного Причерноморья» (Ижевск: Шелест, 2018. 416 с.)¹

И. Ю. Шауб²

Ключевые слова: культ Ахилла, змея в религии и культе, Балканы, индоевропейцы, Ольвия, Бейкушское святилище, Херсонес, Боспор.

Keywords: cult of Achilles, snake in religion and rituals, Balkans, Indo-Europeans, Olbia, Beykush Sanctuary, Chersonesos, Bosporos.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-317-332

Монография В. Г. Лазаренко посвящена очень важной, сложной и остродискуссионной проблеме происхождения и глубинного содержания культа Ахилла, причем не только в Северном Причерноморье, как явствует из названия книги, но и в Средиземноморье. Эта проблема, которая обсуждается в научном сообществе уже более двухсот лет, была до последнего времени еще достаточно далека от разрешения. Относительно происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье существуют два диаметрально противоположных мнения. Большинство исследователей убеждено в греческих (милетских) истоках и характере этого культа, и лишь немногие склонны видеть в уникальных его особенностях влияние местной среды. «Чтобы научная

дискуссия о том, принесен ли культ Ахилла в Северное Причерноморье греческими колонистами или же он имеет местную „варварскую“ основу, не стала бесконечной, нужно признать невозможность ее продолжения с использованием только данных античной литературы и античной археологии», — резонно замечает В. Г. Лазаренко, совершенно логично ставя вопрос, послуживший отправной точкой его труда: «Откуда у Ахилла в Северном Причерноморье столь тесная связь со змеями, хтоническими существами, имеющими непосредственное отношение к плодородию и земледелию?» (С. 17). Конечно, и до исследований В. Г. Лазаренко предпринимались попытки найти ответы на этот вопрос (Шауб, 2002а; Яйленко, 2013а), но всеобъемлющей работы о культе северопричерноморского Ахилла не существовало.

Принципиально новый подход, позволяющий проникнуть в истоки культа Ахилла в Северном Причерноморье, стал возможен только со времени открытий на Бейкуше (неподалеку от острова Березань), где было обнаружено большое святилище Ахилла конца архаического времени. Однако авторы этого

¹ Работа выполнена в рамках ПФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

открытия А. С. Русяева и С. Б. Буйских, заслуга которых в *археологическом* исследовании данного уникального памятника бесспорна, к сожалению, на мой взгляд, недостаточно аргументированно интерпретировали собственные находки (см., например: *Русяева*, 1975; 2005. С. 459 и сл.; *Буйских*, 2001; *Bujskikh*, 2006). Они десятилетиями настаивали на чисто греческом происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье, его импорте туда из Милета, несмотря на очевидность многих свидетельств значительного влияния местного населения на отправление данного культа на том же Бейкушском святилище. Самое знаковое открытие здесь — находка десятков граффити с посвящениями Ахиллу, многие из которых имеют изображение змей, — было истолковано как свидетельство культа змей, происхождение которого связано лишь с большим количеством этих рептилий в данной местности. Между тем связь образа Ахилла со змеями, которая прослеживалась давно и неоднократно (*Mannhardt*, 1875. S. 72; *Escher-Bürkli*, 1893. Sp. 221; *Топоров*, 1990; *Шауб*, 2002а. С. 356–367), именно после открытий на Бейкуше получила материальное подтверждение. При этом, кроме Бейкуша, подобная связь не была обнаружена на памятниках Греции, что подчеркивает не только уникальность этого святилища Ахилла, но и одну из важнейших особенностей его культа в Северном Причерноморье. В. П. Яйленко, который в лингвистическом плане весьма глубоко проанализировал связь культа Ахилла со змеями, декларировал, что у туземного индоарийского населения Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья был распространен культ змей, связанный с Ахиллом (*Яйленко*, 2013а. С. 64–101). Однако московский эпиграфист, к сожалению, не привел археологических свидетельств этому, кроме граффити Бейкуша, и, более того, пришел к банальному объяснению связи культа Ахилла со змеями, весьма популярному у ряда его принципиальных оппонентов — сторонников чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье: «Обилие змей породило культ их в Индии, этим же обусловлен культ

их в Нижнем Поднепровье и Нижнем Побужье» (*Яйленко*, 2013б. С. 393).

Напротив, В. Г. Лазаренко предпринял для своего исследования очень глубокий (до времен неолита и энеолита) экскурс в эпоху, предшествующую греческой колонизации Северного Причерноморья. Успеху автора в решении поставленных им задач способствовал тот факт, что он проделал свою работу на основе критического анализа античных литературных источников, данных археологии, лингвистики и палеогенетики, то есть использовал комплексный подход для анализа разнообразного материала. Следует отметить, что при этом В. Г. Лазаренко сделал наиболее полный по сравнению с другими авторами обзор источников по культу Ахилла. Автор также критически рассмотрел самые противоположные мнения по этой теме, нашедшие отражение в обширной русско- и иноязычной библиографии. Первая практически полна, а вторая — почти исчерпывающая (в ней не хватает только нескольких крайне редких изданий).

Несмотря на то что и ранее в некоторых работах об Ахилле затрагивалась индоевропейская проблематика (*Яйленко*, 2013а; 2013б), в рассматриваемой книге впервые его культ в Северном Причерноморье проанализирован в широком индоевропейском контексте, начиная с формирования индоевропейской языковой общности. Поэтому представляется необходимым подробный обзор значительного числа источников, принятый автором в первой главе «Ранние индоевропейские миграции» (С. 18–31) и показывающий события формирования индоевропейской общности в Балкано-Дунайском регионе и Северном Причерноморье, а также начавшиеся затем миграции хеттов, прагеттов и ариев. Здесь же показана важнейшая роль Фракии в данных процессах. В следующей главе — «Змея (змеи) в мировоззрении индоевропейцев» (С. 32–44) — подчеркивается, что Змея у индоевропейцев выступала как символ Вселенной и Мирового разума, нередко считаясь творцом Мироздания и отождествляясь с космогоническими Ночью

Вселенной и Днем Вселенной; более того, она считалась первопричиной мироздания, уравниваясь с Бездной, которая также была первопричиной Вселенной, являлась ее символом, как и всего сущего в ней. Змей, занимая в мировоззрении индоевропейцев едва ли не центральное место, уравнивался с Мировым деревом, осуществляя связь между мирами и служа основой всего сущего. Змей ассоциировался у индоевропейцев с Верховным божеством и Первопредком.

Глава «Культы змей в Северном Причерноморье» содержит значительную сводку археологических свидетельств данного культа, истоком которого, как считает В. Г. Лазаренко, являются балканские культуры Лепенски Вир (VII–VI тыс. до н. э.) и Винча (VI–V тыс. до н. э.). Эти культуры, по мнению автора, послужили исходными для миграций протоариев через Карпаты в Северное Причерноморье. В. Г. Лазаренко убедительно показал, что культ змей в Северном Причерноморье был практически непрерывным с IV по I тыс. до н. э., сохранился до II в. н. э. и отражал, по мнению автора, культ Верховного божества и Первопредка. При этом и в античное время данный культ был весьма распространен от Фракии до современных Крыма и Кубани, наиболее четко проявляясь в варварской среде — у тавров, скифов и сарматов.

Чтобы продемонстрировать важность культа змей в античной Греции, В. Г. Лазаренко в последующих трех главах подробно приводит свидетельства древних авторов о связи змей с целым рядом образов древней мифологии. Так, в главе «Змееподобные чудовища» (С. 75–102) рассмотрены предания о Гигантах, Тифоне, Пифоне, Медузе Горгоне (точнее было бы назвать этих монстров «чудовища со змеиными чертами», поскольку, кроме Пифона, доминанта у них все-таки человеческая) в свете того, что, как подчеркивает автор, «все они представляли собой самую раннюю категорию божеств, причем очень могущественных и даже верховных. Они стояли у истоков рождения мира, обеспечивали его существование, были предками многих знаковых персонажей. Но они же стали

враждебными новым, олимпийским богам и, соответственно, людям, благодаря „культурной революции“, начатой Гомером. И тогда же приобрели уродливый, нередко ужасный облик, что естественно в изображении всего чуждого, опасного и, тем более — враждебно» (С. 75).

В главе «Змеи и боги» (С. 103–135) образы ряда важнейших богов, в том числе олимпийских, исследуются автором на гораздо более широком круге источников, чем это обычно принято в антиковедении. Так, констатируя хорошо известный факт индоевропейского происхождения Зевса и многочисленные параллели этому богу у других индоевропейских народов, автор подчеркивает, что его тесная связь со змеями проявляется, в первую очередь, в почитании Зевса как Мейлихия и домашнего бога Ктесия, которые вообще представлялись и, соответственно, изображались в виде змея. Также в книге приводится целый ряд античных свидетельств и о других змеиных воплощениях Зевса. В некоторых из них, судя по всему, отразились древнейшие представления о Змее как Предке индоевропейцев. Но в то же время не следует забывать и о столь же несомненных неиндоевропейских чертах (в том числе и змеиных) в религии Зевса, появившихся в ней уже после прихода прагреков на Балканы. Невнимание к этому аспекту в религии и культе эллинских богов (в том числе и Ахилла) представляется нам единственным существенным недостатком рассматриваемой монографии. К этой теме мы еще вернемся, а пока отметим, что негреческие черты в образе верховного бога греческой мифологии, как, впрочем, и у других олимпийских богов, в изобилии можно найти в фундаментальном труде А. Б. Кука (*Cook*, 1914; 1925; 1940), к сожалению, совершенно не использованном В. Г. Лазаренко.

В то же время он очень подробно рассматривает родственные культы Диониса-Загрея и Сабазия, наиболее тесно связанные как с культом змей, так и с Фракией в контексте ее важности в судьбах индоевропейской общности, а также непосредственной близости к Северному Причерноморью. В итоге автор

приходит к выводу, что глубокие корни культа Диониса, неразрывно связанного со змеями, на фракийской почве уходят в ранние слои индоевропейских верований (это признается большинством исследователей), а Загрей-Дионис являлся «одним из величайших богов греческой религии: либо верховным богом, небесным отцом Зевсом (в противоположность матери Земле), либо другим Зевсом — Зевсом подземного мира» (С. 119). Значение змея в культе Сабазия было очень широким, но прежде всего, по мнению автора, в качестве Верховного бога и Первопредка, что вполне соответствует индоевропейским традициям; отсюда и правомочность сравнения Сабазия греками как с Дионисом, так и с Зевсом (С. 106–121).

В книге приведен ряд древних свидетельств того, что архаическая связь Деметры и Персефоны, а также Матери богов со змеями оказывается еще теснее и шире, чем это обычно представляется (С. 121–124). Показано, что Афина связана со змеями не только через змееподобные образы Эрихтония и Медузы. Ряд древних источников сближает образ змеи-Афины со змеями дионисийского культа. Кроме того, связь Афины со змеями ярко проявляется и в сравнительно малоизвестных сведениях о целительских способностях богини (С. 124–125). Исследуя образ Асклепия, В. Г. Лазаренко подчеркивает его фракийское происхождение и то, что змея вовсе не является специфическим атрибутом этого «Бога медицины» (С. 126), а с другой стороны — постоянно присутствующее сходство (вплоть до идентичности) Диониса, очень тесно связанного со змеями, с Асклепием во фракийских культах. Одна из эпиклез Асклепия — Архагет (Основатель или Вождь), по мнению автора, свидетельствует о том, что этот бог в своих истоках был вождем какого-то раннего индоевропейского племени (С. 129). Если данный тезис автора (который неоднократно демонстрирует свою явную склонность к эвгемеризму³) мы поддержать не можем, равно

как и его стремление доказать, что первоначально Диоскуры почитались в качестве домашних богов как Предки-Змеи (С. 129–135), то змеиные черты в образах этих божественных близнецов и индоевропейские истоки их культа представляются несомненными.

Глава «Змеи и герои» (С. 136–153) посвящена самым различным персонажам: легендарным царям, прорицателям и целителям. Среди первых выделяется Кекроп — аттический автохтон, сын самой Геи, изображавшийся со змеиным туловищем. Он основал Афины и был, согласно сообщениям некоторых авторов, героем древнепеласгического племени, представители которого жили в Аттике, Беотии и др. Эрихтоний — другой автохтон, у которого нижняя часть тела была змеиной, также был сыном Геи, лишь позднее названный сыном Афины. В. Г. Лазаренко подчеркивает, что Ликофрон (Alex. 158) называет Зевса Эрехтеем, что указывает, с одной стороны, на значимость образа Эрихтония-Эрехтея, а с другой стороны — на змеиный облик Верховного бога (С. 140), и заключает: «Образы легендарных царей Аттики, Кекропа Первого и Эрихтония, оказываются тесно связанными не только со змеями, но и через змееподобного Борея — с древнейшим Северным Причерноморьем. Связь же со змеями в данном случае является отголоском индоевропейских представлений о Змее-Предке» (С. 142). Все это говорит о значительной древности образов этих легендарных царей, восходящих к ранней индоевропейской эпохе и временам заселения пеласгами Греции. Автор исходит из того, что пеласги представляли собой первую волну индоевропейского заселения Ионии и Балкан, мигрировав из западной части Северного Причерноморья в начале распада индоевропейской языковой общности не позднее последних веков III тысячелетия (до прихода туда греков) и имея

наделенных властью людей (по имени древнегреческого философа IV в. до н. э. Эвгемера, автора утраченного утопического романа «Священная запись»): [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/3314/Эвгемеризм> (дата обращения: 26.04.2020)/

³ Эвгемеризм — рационалистическая доктрина, объясняющая происхождение религии посмертным или прижизненным обожествлением знаменитых или

раннефракийское происхождение (С. 161). В предании о Кадме В. Г. Лазаренко, подчеркивая те черты, которые связывают его со змеями и с Фракией, напоминает, что Кадм — выдающийся культурный герой, известный своими изобретениями в горном деле и металлургии, а также причастностью к созданию греческого алфавита. Здесь автор особо отмечает, что «поле деятельности Кадма в Греции лежало между Фракией и Иллирией, то есть, по сути, на территории неолитической культуры Винча в Сербии. Поэтому его причастность к „изобретению письмен“ может быть связана отнюдь не с Египтом или Финикией, а с культурой Винча, колыбелью европейской цивилизации, где появилась первая в мире протописьменность, которая старше шумерской» (С. 147–149). Таким образом, В. Г. Лазаренко стремится проследить связь процесса заселения Греции и ряда знаковых культурных достижений в ранний период греческой истории с культом змей в индоевропейском контексте. Однако поскольку мифология Кадма имеет ближневосточные черты (начиная с его семитического имени и генеалогии), она явно не столь однородна и однозначна, как это представляется автору.

В разделе «Прорицатели и целители» особо обращает на себя внимание анализ предания о Мелампode (получившем свой пророческий дар от змей), с которым, в частности, связывается перенесение (кстати, через Кадма) культа Диониса и фаллических шествий в Элладу. При этом имя матери Мелампode — Родопа, что более чем «созвучно» с Фракией (С. 150–152).

Все дальнейшие главы рецензируемой монографии посвящены уже непосредственно Ахиллу. Седьмая глава «Генезис образа Ахилла» построена на последовательном рассмотрении тех феноменов, без комплексного изучения которых невозможно глубокое изучение образа Ахилла. Прежде всего, это его родословная, представленная в разделе «Родословная Ахилла» (С. 154–166), который В. Г. Лазаренко начинает справедливым утверждением: «Совершенно недостаточно представлять Ахилла только героем, пусть

даже величайшим». Далее на основании античных источников показана не только значительная древность образа деда Ахилла — Эака, но и причастность последнего Верховному божеству-творцу, а также древнейшая, доолимпийская генеалогия матери Ахилла — Фетиды, которая в Северном Причерноморье выступает как ипостась Великой богини (Шауб, 2012. С. 7). Подчеркивая связь Фетиды со змеями — она характеризуется как древнее морское божество с ярко выраженными змеиными чертами (Топоров, 1990. С. 70, 87), автор показывает, что это приводит нас в еще более отдаленные времена, если проанализировать предание об Офионе и Евриноме. Орфическая традиция считала их древнейшими владыками мира, которые были змеевидными существами. С ними связан древнейший пеласгический (доэллинический) миф творения. В итоге В. Г. Лазаренко заключает: «Фетида, таким образом, в любом случае принадлежит к старшему поколению богов, имея, вероятно, фракийское происхождение, а иногда представляется даже древнее Зевса, и только „культурная революция“, начатая Гомером, отодвинула ее на „обочину“ олимпийской мифологии» (С. 158). Фракийское происхождение Фетиды, которая, конечно, древнее Зевса, кажется нам весьма сомнительным, в отличие от бесспорного тезиса о том, что ее сын является в своих истоках богом, к тому же потомком старшего поколения богов, что говорит о его чрезвычайной древности. Здесь автор акцентирует внимание на поразительном свидетельстве Ликофрона (Alex. 171–178, 309) об Ахилле как Змее-Первопредке змеиной природы: Ахилл здесь называется не только «свирепым драконом» и «пеласгическим Тифоном», но и творцом людей, сделавшим «войско шестиногое из муравьев людским». Напоминая о том, что данное деяние обычно связывалось с самим Зевсом (С. 161–162), В. Г. Лазаренко находит параллель этому в одном из эпитетов Ахилла — Вечный отец, зафиксированном в ольвийском декрете III в. н. э. (С. 166).

В разделе «Имя Ахилла» (С. 166–175) автор исследует происхождение его имени,

поскольку считает, что «в нем кроется и указание на происхождение самого образа Ахилла» (С. 166). Прежде всего, В. Г. Лазаренко показывает, что, вопреки расхожему мнению, бесспорные свидетельства о наличии имени Ахилла в микенских текстах отсутствуют, а построенные на этом мнении этимологии имени Ахилла неубедительны (С. 167–169). Но автор приводит данные в пользу возможности происхождения имени Ахилла из хеттского языка. Далее В. Г. Лазаренко стремится показать как соответствие образов Ахилла и Мардука, так и Фетиды с Тиамат (рассекая которую, Мардук сотворил мир), однако здесь аргументы исследователя не кажутся нам убедительными (особенно в том, что касается черт сходства между вышеупомянутыми женскими персонажами; к образу Фетиды мы еще вернемся). Важность всех этих сближений для автора заключается еще и в том факте, что в ходе распада индоевропейской общности хетты именно по Причерноморским степям (освобождая путь ариям) через Дербентский проход Прикаспия (около 1900 г. до н. э.) продвинулись в центральные районы Анатолии (С. 171–172). Затем приводятся данные, свидетельствующие о связи имени Ахилла с древнеиндийским *áhi-* — «змея» — и ведическим *Áhi-Budhniá* — «Змея глубин внизу Мирового дерева» (С. 174–175).

В разделе «Стопа Ахилла» (С. 175–196), подробно исследуются античные свидетельства, приводятся параллели с библейскими текстами и демонстрируется неслучайность гипертрофии мотива ног («быстроногости» и уязвимости стопы) в мифологии Ахилла, начиная с образа его «среброногой» матери Фетиды. Кроме того, В. Г. Лазаренко указывает, что исследователями «ранее не акцентировалось внимание на то, почему такая малозначительная, пусть и мучительная, рана оказалась смертельной... Может быть, смерть Ахилла носила символический характер, учитывая „посмертную“ судьбу Ахилла?» (С. 179). И здесь же отвечает: «Ответ возможен в индоевропейском аспекте», детально анализируя «следы стоп» на погребальных памятниках катакомбной культуры (где был распростра-

нен культ змей) Северного Причерноморья. Затем автор исследует параллели этим артефактам в ряде античных и древнеиндийских текстов, в части образов стоп (следов) и змей, и приходит к выводу; «Предание же о стопе Ахилла (не только уязвимой, но удар которой, в частности, может даже такое: „Источники откроет, встарь закрытые“)... говорит о значительно большем и является, видимо, иносказанием древнейших сокровенных представлений о Верховном боге — Змее» (С. 196). В связи с этим сюжетом вспоминается сообщение Геродота (IV, 82) о следе Геракла, «который показывали на скале близ реки Тираса». Этот след явно входит в одно семантическое поле с сюжетами, рассмотренными В. Г. Лазаренко.

Раздел «Русый Ахилл» (С. 196–203) посвящен исследованию кажущихся необычными (в плане привычного греческого облика) сообщений, начиная с «Илиады», о русых или светлых волосах Ахилла. Приведены, в частности, древние данные о светлых волосах и/или голубых глазах ряда богов: Афины, Вишну, Раме, о фракийском обычае изображать богов «Голубоокиими их же и русыми пишут фракийцы» (С. 197), о жене Кадма — светловолосой Гармонии (теснейше связанных со змеями), о светловолосых Гесперидах (согласно некоторым источникам, они имели змеиное обличье)⁴, оплакивающих змея Ладона, а также обращается внимание на тот факт, что «индоевропейские этносы от Греции до Индии с завидным упорством приписывали себе определенный первоначальный (истинный) антропологический облик — белокурый, светлый, (иногда) голубоглазый» (С. 199). На основе всего этого и индоевропейской мифологии змей В. Г. Лазаренко обосновывает вывод: «Светлые волосы Ахилла подтверждают его тесную связь в истоках образа со Змеем-Верховным божеством и Змеем-Первопредком, а также с Северным Причерноморьем» (С. 203). Последнее он мотивирует упомянутым выше обычаем фракийцев, с тем, что события, связанные с Гармонией, дочерью Ареса,

⁴ Хотя автор этого не отмечает, данный факт еще усиливает его аргументацию.

происходили во Фракии, светлые волосы Ахилла подтверждают его тесную связь в истоках образа со Змеем — Верховным божеством и Змеем-Первопредком, а также с тем, что убийство Ладона, символизирующего Мирового змея, произошло в Гиперборее — в данном случае это Северное Причерноморье.

Раздел «Ахилл и медицина» (С. 203–212) является итогом многолетнего изучения В. Г. Лазаренко этого хорошо известного, но при этом малоизученного до работ автора сюжета (см. Лазаренко, 2014. С. 262–309). Здесь автор обобщает древние сведения о навыках Ахилла, бывшего учеником одного из мифических основателей медицины — Хирона (да и Фетида «врачевала и исцеляла»), не только в магической, но и в методах эмпирической рациональной медицины. Более того, демонстрируется вклад образа Ахилла в формирование протонаучной медицины.

Глава «Культ Ахилла в Греции» (С. 213–229) содержит практически полный корпус свидетельств о его культе в Греции. Из них явствует, что, вопреки распространенному мнению об общегреческом характере культа, он был известен лишь на Сигее (Троада), в Лаконике, в Таренте, на острове Астипалея (в Эгейском море), в Элиде и в Эпире; возможно, поклонение Ахиллу существовало и в Эритрах (С. 224). Что касается нумизматических данных, то автором убедительно показано, что, кроме Фессалии, Эпира и Троады, «монеты, посвященные Ахиллу, в Греции нигде более не отмечены. И речь должна идти не о „многих городах“, где чеканили монеты с изображением Ахилла, как порой декларируется, а о редких и единичных их выпусках, причем — только бронзы мелких номиналов» (С. 216–217). Особенно важно, что для Милета фактически отсутствуют литературные и археологические данные о существовании там культа Ахилла. Это делает невозможным импорт данного культа в Северное Причерноморье в ходе его милетской колонизации, что безосновательно утверждают сторонники чисто греческого характера данного культа в Северном Причерноморье, противники местного влияния на формирование культа Ахилла в этом регионе.

С другой стороны, очень важен предпринятый В. Г. Лазаренко анализ культа Ахилла в Эпире. Автор подчеркнул, что, «Словом Эпир у древних греков обозначался вообще материк, в противоположность островам... Постепенно это значение сузилось, и слово Эпир стало обозначать область, смежную на севере с Иллирией, на востоке с Фессалией, на юге с Этолией и Акарнанией. Хотя Эпир и относится к числу областей Собственной Греции, но племена, населявшие его в историческую пору, считались „варварскими“ — это были ветви индоевропейской расы, родственной иллирийцам. Современными учеными поддерживается мнение, что расселение эллинов с севера на юг началось с Эпира, который может быть признан колыбелью греческого народа, впоследствии вытесненного отсюда движением соседних северных племен (курсив В. Г. Лазаренко. — И. Ш.). Так что Эпир имел с древнейших времен важное значение в индоевропейском аспекте и формировании Элады, причем — в тесной связи с Ахиллом» (С. 225). Последнее обусловлено тем, что, по Плутарху (Pyrrh. I), Неоптолем, сын Ахилла, придя сюда во главе своего племени, захватил страну и положил начало царской династии Пирридов. Несмотря на то что при преемниках первых царей их род захирел, впал в варварство и утратил былую власть, с момента завоевания и до времен, по крайней мере, Плутарха, там чтили наравне с богами и Ахилла, называя его на местном наречии Аспетом. Данное сообщение подтверждается глоссой Гесихия «Аспет» — Hesych. s. v. Ἀσπετος, ὁ Ἀχιλλεὺς ἐν Ἠπείρῳ, ὡς φησὶν Ἀριστοτέλης ἐν Ὀλουπτιῶν πολιτείᾳ (FHG II: 145. Fr. 121): «Аспет — Ахилл в Эпире, как говорит Аристотель в Опунтской политике» (С. 224–225). И здесь В. Г. Лазаренко впервые в мировом антиковедении предпринял анализ данного эпитета Ахилла, хотя он был, конечно, известен многим поколениям специалистов, и заключил: «Словарь Лиддела-Скотта дает широкое толкование значению „аспет“... — „несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле — несказанно великий, невыразимо большой; реже — бесконечный, бесчисленный“. Это делает

невозможным представлением об Ахилле только как герое, поскольку такие категории могут быть соотнесены только с божествами, причем верховными, богами-творцами» (С. 227). Далее автор подкрепляет свои суждения параллелями из древнеиндийских текстов об Ананте-Шеше, которого обычно изображают как гигантского змея, свернувшегося кольцами в космическом пространстве и плавающим в водах первичного океана. Его кольца выступают как место отдыха для Вишну и его вечной супруги Лакшми. «Ананта» же на санскрите означает «Бесконечный». В итоге В. Г. Лазаренко заключает: «Вероятно, Ахилл как Аспет — это реликтовое отражение первоначальных представлений индоевропейцев о прообразе Ахилла как Змея — основе всего сущего. Кстати, у Ликофрона (Alex. 187, 327) Неоптолем назван „змеем скиросским“ и „ужасным змеем“, а змей, разумеется, в представлениях не только древних может быть сыном только змея — Ахилла ... Божественная сущность Ахилла, имеющая корни еще в индоевропейской общности, была утеряна во время „культурной революции“, начатой Гомером. В ходе ее Ахилл был низведен до героя, пусть и выдающегося. Но следы истинной сущности Ахилла остались в античной литературе, а истоки этой сущности и ее развитие, вплоть до Верховного божества и Первопредка, прослеживаются в культе змей с эпохи бронзы» (С. 227–229).

Материалы главы «Фракийский всадник» (С. 230–248) представляют собой к настоящему времени наиболее полное исследование данного вопроса. Вначале автор напоминает о его сути: «Еще век тому назад, дискутируя со сторонниками чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье, М. И. Ростовцев буквально требовал, очевидно — в плане необходимости научной корректности: „Я хотел бы, чтобы мне представили серьезные возражения против вероятности сочетания мифа об Ахилле со старым, до-греческим культом Белого острова, так близко связанного с Фракией, с культом верховного фракийского божества, одновременно божества небесного и хтонического,

победителя зла, которого... чтили во Фракии и как героя, и как бога, изображая его чаще всего как молодого героя-всадника“ (Ростовцев, 1918. С. 180–182). Но справедливый призыв видного российского ученого, имевшего для этого, очевидно, достаточные основания, остается до сих пор без всестороннего обсуждения» (С. 230). Автор задает вектор своим исследованиям, учитывая, что «Фракия была для Греции источником ряда наиболее сокровенных религиозных идей. И ее вклад в этом отношении исключителен» (Топоров, 1972. С. 36), а также важность Фракии в общеиндоевропейском аспекте (подчеркивая, что даже одним из древнейших названий Фракии является Ἄρια): «Речь должна идти не только о схожести каких-то черт Ахилла и Фракийского всадника, но об их общих истоках, возможно — восходящих еще к индоевропейской языковой общности» (С. 231–232). На основании комплексного рассмотрения археологических и лингвистических свидетельств он пришел к следующим главным выводам: «Сходство Фракийского всадника и северо-причерноморского Ахилла отчетливо проявляется в следующем:

— раннее индоевропейское (арийское) происхождение образа — скорее всего, в период распада индоевропейской общности (III тысячелетие до н. э.) в Северном Причерноморье;

— неотъемлемая связь со Змеем как воплощением Верховного божества-громовержца, а также Мирового дерева, основы всего мироустройства, и Первопредка;

— роль паредра Великой богини, имеющей черты умирающего и воскресающего (в тексте явная опечатка: воскрешающего. — И. Ш.) божества;

— охранительные, в частности — целительские функции, что выразилось в одинаковых эпитетах Спаситель и Благосклонно внемлющий;

— характерные черты великого воина, вождя большого племени, владыки значительной территории; — длительное, минимум в течение тысячелетия, непрерывное существование обоих культов в соседних регионах.

Таким образом, речь должна идти не столько о влиянии представлений

о Фракийском всаднике на формирование культа Ахилла в Северном Причерноморье, как полагал М. И. Ростовцев, сколько об общих и ранних индоевропейских (арийских) истоках их образов» (С. 248).

Заключительная и наиболее объемная глава рецензируемой монографии — «Культе Ахилла в Северном Причерноморье» (С. 249–358) состоит из девяти разделов. Материалы первых двух — «Ахилл — царь в земле Киммерийской» (С. 249–252) и «Ахилл — владыка земли Скифской» (С. 252–260) — в разной мере были изложены в предыдущих работах В. Г. Лазаренко. В монографии представлен широкий обзор источников по обсуждаемой тематике, где особое внимание уделено исследованиям О. Н. Трубачёва (*Трубачёв*, 1999. С. 99–102), итоги которых дали возможность понимать под «Скифией» не просто территорию, занятую скифами Северного Причерноморья, а «Старую Скифию» Геродота. Речь идет о местностях, заселенных «старыми ариями», то есть ариями (индоариями), оставшимися здесь после ухода их основной массы на юго-восток и восток в III тыс. до н. э. «Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время — от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму» (С. 256). При этом автор обращает внимание на ряд античных сведений о связи скифов и фракийцев: так, Малой Скифией называлась значительная часть Фракии, а также территория между ней и Крымом включительно, где жило «скифское племя тавров» (Strabo VII, 4, 52). Примечательно, что Стефан Византийский (s. v. Σκύθαι) называет скифов фракийским племенем, а Страбон (VII, 3, 2) высказал мнение об общем происхождении скифских и фракийских племен со ссылкой на Гомера; Аполлоний Родосский (Arg. IV, 316) пишет: «... скифы — они полукровки фракийцам» (С. 255). Главным же выводом исследования В. Г. Лазаренко здесь является следующее: «Можно трактовать слова Гомера и Алкея (речь идет об эпизодах «Одиссеи», связанных

с Ахиллом и Киммерией, а также о фрагменте Алкея 48В. — *И. III.*) как память о давно прошедших временах, где пра-Ахилл царствовал еще над ранними индоевропейскими предками киммерийцев и скифов, а не как сведения об исторических киммерийцах и скифах. Склонность понимать сведения античных авторов, в данном случае, как безусловный исторический источник, очевидно, и привела к значительным противоречиям в среде археологов и антиковедов» (С. 259–260).

Раздел «Остров Левка» (С. 260–269) содержит свод античных свидетельств о культе Ахилла на Левке и его особенностях, а также обзор археологических источников и мнений современных авторов. Их критическое исследование позволило В. Г. Лазаренко сделать следующий вывод: «Археологические свидетельства подтверждают наличие на Левке культа Ахилла с VI в. до н. э., но следует признать, что таких артефактов немного. И если бы не сообщения древних авторов, возможно, этого было бы недостаточно для констатации здесь общегреческого центра культа Ахилла» (С. 269).

В разделе «Остров Березань — Борисфенида» (С. 269–274) В. Г. Лазаренко обращает внимание на то, что, хотя в первые века н. э. здесь, видимо, существовало святилище Ахилла, что подтверждается находкой ряда мраморных плит-посвящений Ахиллу, Ахиллу Герою и Ахиллу Понтарху; однако его роль в религиозной жизни Ольвийского региона и всего античного мира остается дискуссионной (С. 271–272). Вместе с тем краткие граффити, которые можно расценить как посвящения Ахиллу, обнаружены на Березани в достаточном количестве в слоях конца VII — начала VI в. до н. э. в остатках общественных зданий (С. 273–274).

Большой раздел «Феномен Ахиллова Дрома» (С. 274–300) следует признать одним из наиболее удачных в рецензируемой монографии. Здесь автору удалось сделать ряд важных наблюдений и решить несколько сложных задач. Прежде всего, на основе всестороннего анализа древних сообщений им показана недостаточная обоснованность

толкования самого понятия «Ахиллов Дром» либо как местности, где Ахилл преследовал Ифигению — «Ахиллов Бег», либо как места воинских упражнений (состязаний) Ахилла со товарищи — «Ахиллово ристалище», хотя это действительно давно стало неким «общим местом». Кроме того, показана множественность Ахилловых Дромов (от устья Дуная до Керченского пролива, а не только на Тендровской косе), что ранее даже не обсуждалось (С. 284–286). Наконец, впервые глубоко проанализировано понятие «белый берег», часто встречающееся в связи с образом Ахилла, но получавшее прежде объяснение либо как следствие нахождения там множества «белых птиц», либо просто из-за белого песка. Здесь В. Г. Лазаренко подчеркивает принципиальные ошибки перевода греческих текстов, что значительно меняло их смысл. И приводит для примера фрагмент Дионисия Периегета (188), который постоянно используют исследователи культа Ахилла в Северном Причерноморье: «По левой стороне Эвксина против Борисфена лежит в море знаменитый остров героев; его называют Белым, так как водящиеся здесь птицы — белого цвета». Однако, как верно указывает автор, в оригинале данного текста мы видим κινώπητα λευκά («белые змеи», поскольку слово κινώπητα у Каллимаха, Артемидора, Никандра значит «змеи»), а ὄρνεα («птицы») просто отсутствует. Это весьма важно в контексте исследования В. Г. Лазаренко, который здесь заключил: «Поэтому в древних текстах, где присутствует κινώπητα, а не ὄρνεα, видимо, отражаются еще более древние представления именно о змеях в их сакральном аспекте» (С. 287–288).

Далее автор, детально проанализировав само понятие «белый», показал его глубокую сакральность: «Если же прибегнуть к индоевропейскому языкознанию, то обнаруживается, что белый цвет мыслился в древности как цвет Начала, символ абсолютной тишины, абсолютного Ничто — предвестника рождения нового, борьбы смерти и жизни... что особенно важно, белый цвет соотносился с образом Белого бога...» (С. 288–293). Затем

В. Г. Лазаренко останавливается на оценке степени реальности нахождения святилища Ахилла на Ахилловом Дроме, а также проведения здесь праздников с агонами в честь Ахилла, и не находит в комплексе имеющихся данных весомых подтверждений этому. Возражая А. С. Русяевой (2006), автор подчеркивает, что нельзя бесосновательно переносить сведения об агонах в Ольвии (если они действительно проводились) на Ахиллов Дром, ввиду того что проведение их, тем более — панэллинских, в условиях буквально песчаной пустыни, продуваемой морскими ветрами, весьма проблематично (С. 293–298).

В заключение данного раздела В. Г. Лазаренко делает столь важные выводы, что их следует привести достаточно подробно: «Каков же мог быть истинный смысл словосочетания „Ахиллов Дром“ <...> Даже если понимать „дромос“ только как обозначение движения, то весьма полезно сопоставить этот акт с индоевропейскими представлениями. Движение мыслилось как магическая сущность, оно также могло соотноситься, с одной стороны, с понятием зла, а с другой стороны — с понятиями правды, истины. Это вполне коррелирует с пониманием δρόμος как „верный, правильный путь“. <...> Кстати, движение у индоевропейцев в древности мыслилось как священнодействие, направленное вверх к Небу, к божествам, а также направленное вниз, соединяя Небо и Землю, которые когда-то были двуединым целым. Тем самым движение соотносилось с образом Мирового дерева. Понятие движения связывалось также с понятием Числа — символа мироздания и его божественного устройства. Кроме того, в целом ряде случаев значение „движение“ соотносилось со значением „язык, речь“. Среди синдо-меотских реликтов Северного Причерноморья имеется *ak-, aka- (этноним Акаи ~ ср. др.-инд. ākā-, ākāyua- — „желаемый, любимый“, ak- — „двигаться змеевидно“). Возможно, это отголосок представлений о змее и любви как „божественной связи трех миров“. Но особенно важен для понимания феномена Ахиллова Дрома эпитет Ахилла Аспет (Ἄσπετος). Его значения как „несказанный, невыразимый,

неизреченный; в основном смысле — несказанно великий, невыразимо большой; реже — бесконечный, бесчисленный“, повторы, делают невозможным представление об Ахилле только как о герое, поскольку такие категории могут быть соотнесены только с божествами, причем верховными, богами-творцами. Вероятно, Ахилл как Аспет — это реликтовое отражение первоначальных представлений индоевропейцев о прообразе Ахилла как Змея — основе всего сущего. Это помогает понять и истинный смысл Ахилловых Дромов, которые, как правило, характеризовались у древних своей значительной протяженностью. А утеря греками в историческое время понимания их истинной, божественной сущности и привела к примитивным, „очеловеченным“ толкованиям феномена Ахиллова Дрома. Нельзя понимать δρόμος примитивно — как „бег“ или место ристаний, смысл его значительно шире и глубже... Песчаные, пустынные, длинные пляжи, иногда — на фоне более высоких темных частей берега вполне могли напоминать античным мореплавателям гигантских белых змей. <...> Видимо, сами Ахилловы Дромы, без каких-либо культовых объектов на них, были объектами почитания, напоминая Змея-Ахилла — Верховного бога, обладая главными его характеристиками: величиной, бесконечностью, непознаваемостью. Это проявилось не только в реально огромных размерах, как в случае Тендровской косы, но и в эпитетах „великий“, „пустой“, „белый“ и т. п. И служили они, очевидно, символами „Пути Ахилла“ — реликтовой памятью представлений об Ахилле-Змее как Верховном божестве и Первопредке ранних индоевропейцев Северного Причерноморья» (С. 298–300).

В разделе «Святилище Ахилла на Бейкуше» (С. 300–308) В. Г. Лазаренко, в основном, рассматривает уникальные граффити, найденные здесь и свидетельствующие о связи культа Ахилла со змеями. Автором предложен ряд новых толкований некоторых из этих граффити на основе семантического единства образов змеи и фалла, а также того, что копье и змей у индоевропейцев нередко

отождествлялись, равно как змеи и рыбы (С. 303–304). При этом В. Г. Лазаренко особо выделяет граффити, которые можно расценивать как головы змей с надписью внутри них ΑΧΙ, что идентично др.-инд. áhi- — «змея», полагая, что «такие граффити могут служить свидетельством отправления культа на Бейкуше не греками-колонистами, а местными „варварами“ — реликтовыми ариями» (С. 307).

Раздел «Культе Ахилла в Херсонесе и на Боспоре» (С. 308–318) начинается с изложения оригинальной гипотезы автора, согласно которой «после V в. до н. э., когда прекратило существование бейкушское святилище Ахилла, его адепты обосновались в Крыму, что весьма интересно в связи с представлениями о мирмидонцах». Далее, опираясь на гипотезу автора данной рецензии об ассоциации предводительствуемых Ахиллом мирмидонян («муравьиного народа») с боспорским Мирмекием (Шауб, 2002б), В. Г. Лазаренко заключает: «Поклонение муравьям представляется не чем иным, как поклонением далеким предкам — „перволюдям“, а приведенные здесь данные снова говорят об истоках образа Ахилла как Первопредка ранних индоевропейцев» (С. 313). Рассмотрев граффити с посвящениями Ахиллу, в том числе со змееподобными изображениями, найденные в Херсонесе, Мирмекии, Феодосии и на Тамани, автор подчеркивает, что все они «аналогичны, по своей краткости, большинству посвящений Ахиллу на Бейкуше, Березани и Большой Черноморке II и, возможно, также являются подношениями не Ахиллу-герою, но Áhi-Змею реликтовых ариев Таврии и Тамани, где греки находились буквально в окружении индоевропейских племен, соответственно — тавров и синдо-меотов, а многие поселения имели смешанный греко-варварский характер. Изображения змей, перевернутого дерева (связанного с представлениями об ином мире) и пентаграммы на приведенных выше граффити Тамани находят явные аналогии с граффити Бейкуша, хотя их разделяет, как минимум пять веков, а свастика является, как известно, древнейшим индоевропейским символом. Все это, видимо, указывает на

стойкость характера культа Ахилла в аспекте его связи с реликтовыми ариями. В отношении находок посвящений Ахиллу в Мирмекии очень важно, что в индоевропеистике зафиксирован семантический переход понятий „змея (червь) — муравей“» (С. 313–315). Далее, обсуждая причины популярности образа Ахилла в скифской среде, о чем можно судить по ряду изображений на изделиях торевтики из курганов скифской знати близ Боспора, В. Г. Лазаренко заключает, что основная причина почитания Ахилла в варварской среде — «общие ранние индоевропейские корни образа Ахилла и местных „варварских“ верховных божеств» (С. 316–318).

Раздел «Возможные нумизматические памятники» (С. 318–323) В. Г. Лазаренко начинается с констатации того, что «почти тысячелетний культ Ахилла в Северном Причерноморье не оставил очевидных нумизматических памятников, как это случилось, пусть и в виде отдельных редких выпусков, в некоторых регионах Греции (Фессалии, Троаде, Эпире)», а далее, обоснованно критикуя попытки отнести к Ахиллу некоторые ольвийские выпуски, заключает, что есть только «два типа монет античного Северного Причерноморья, принадлежность которых культу Ахилла вполне возможна» (С. 319). Это монеты-стрелки, которые автор относит к культу Ахилла на основе семантической близости образов стрелы/копья — змея — Мирового древа. Кроме того, В. Г. Лазаренко развивает высказанную им ранее идею об изображении муравья на архаических тетартемориях Боспора как свидетельстве скрытого почитания Ахилла на Боспоре (С. 322–323). Эта мысль выглядит достаточно привлекательной, поскольку мы полагаем, что образ муравья был связан с хтоническим культом Ахилла, существовавшим в регионе, тем более, что муравей в качестве монетной эмблемы не встречается более нигде, кроме Пантикапея (*Терещенко, Шауб, 2018а; 2018б*).

В начале раздела «Генезис культа Ахилла в Северном Причерноморье» (С. 323–358) автор детально рассматривает аргументацию как адептов чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье,

так и сторонников местного влияния на формирование данного культа. В первом случае мнение В. Г. Лазаренко однозначно: «Следует признать, что уровень аргументации здесь явно недостаточен», а его главный довод трудно оспорить: «Наличие в Милете источника, в котором очистился Ахилл после убийства родственника, еще не говорит о наличии там культа Ахилла, а приведенные выше попытки обоснования наличия его культа в Милете представляются не более чем произвольным смешением сведений о героине Трамбела, воздвигнутом его убийцей Ахиллом на Делосе, с источником в Милете, в котором очищался Ахилл после данного убийства. Следует констатировать, что сторонники милетского происхождения культа Ахилла... не имеют для этого сколько-нибудь достаточных оснований. Кроме того, нет и археологических подтверждений» (С. 331). При этом автор подчеркивает, что для последователей концепции импорта культа Ахилла в Северное Причерноморье из Греции достаточно типично отсутствие привлечения или самостоятельного анализа древних текстов или произвольные их толкования, а также обширное цитирование только в подобной же степени «обоснованного» мнения своих единомышленников; в результате их умозрительные предположения стали претендовать едва ли не на абсолютную истину. Кроме того, В. Г. Лазаренко напоминает, что культ Ахилла не только практически отсутствовал в Ионии, но и был достаточно редко представлен в остальной Греции, хотя противоположное, как правило, утверждалось сторонниками чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье (С. 323–336). В то же время автор отмечает, что «аргументация сторонников местного происхождения, если не культа Ахилла в Северном Причерноморье, то его истоков, до последнего времени также не имела достаточной основы, поскольку строилась, в основном, на различном понимании, как и у их оппонентов, немногочисленных античных источников и, по сути, так же не выходила за рамки времен колонизации» (С. 342).

Далее автор последовательно и аргументированно опровергает «отголоски мнения В. В. Лапина (Лапин, 1966. С. 52–54, 142) о том, что все построения о возможности каких-либо контактов, взаимодействий или связей греческих колонистов с местным населением не имеют под собой оснований», поскольку в Нижнем Побужье на протяжении почти полутора столетий греческой колонизации якобы отсутствовало оседлое варварское население. В. Г. Лазаренко приводит ряд археологических данных, свидетельствующих о том, что еще в эпоху поздней бронзы здесь сложился очаг металлообработки; жилища земляночного и полуземляночного типа, столь распространенные здесь на ранних греческих поселениях, восходят также к этому времени. О значительном присутствии на данных поселениях варваров ярко свидетельствует лепная керамика, сходная с распространенной с VII в. до н. э. в степях Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья. Она найдена в большом количестве на греческих поселениях, в том числе там, где засвидетельствован культ Ахилла, в частности на поселении Большая Черноморка II и на Березани. На Бейкуше обнаружено большое количество фракийского керамического материала, датируемого начиная еще со второй половины VII в. до н. э. Анализ лепной керамики Ольвии и Березани также убедительно показывает проникновение сюда фракийцев (С. 343–344). Автор особо останавливается на многочисленных археологических фактах, доказывающих существование варварских черт в отправлении культа Ахилла на Бейкуше (С. 344–348).

Затем В. Г. Лазаренко анализирует данные о «скифском» происхождении Ахилла и приходит к выводу, что «Ахилл предстает не просто „скифом“ и даже не только „Владыкой Скифии“, но прародителем целого народа „Старой Скифии“. Один из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе — Вечный отец, вполне возможно, подтверждает это» (С. 348). Далее автор интерпретирует найденные на Бейкуше граффиты, допуская, что «местное влияние, видимо, было обусловлено

не только тем, что греки-колонисты оказались в идеологической среде, сформировавшейся еще в катакомбный период, но и сходством их языка с языком реликтовых ариев Северного Причерноморья — именно здесь лингвисты полагают соседство греческого и арийского языков, имеющих значительное сходство грамматического строя и обширную общую лексику, к началу II тысячелетия до н. э. (а это время катакомбной культуры), то есть после распада индоевропейской общности и начала миграций протогреков на юго-запад, а ариев — на восток и юг» (С. 352–355).

Итог исследования В. Г. Лазаренко таков: «Следует говорить не о милетском импорте культа Ахилла в Северное Причерноморье, а о слиянии на раннем этапе почитания первыми греческими колонистами Ахилла не в образе героя Троянской войны, но в образе народного (домашнего) бога — Змея-предка, с культом *Áhi*-Змея местного населения, современного колонистам — реликтовых ариев, поклонявшихся Верховному божеству и Первопредку в образе Змея. Представления об этом же, вероятно, существовали у греков непрерывно со времен греко-арийской общности в Северном Причерноморье, сохранились в ходе миграций (о чем говорит пример Эпира с культом Ахилла Аспета), затем деградировали до представлений о змеях — домашних богах, но проявились более масштабно во время колонизации, когда греки, по сути, вернулись на землю далеких предков — ранних индоевропейцев и встретились со своими дальними родственниками — реликтовыми ариями.

Якобы „внезапное“ появление в римское время культа Ахилла Понтарха — „Владыки Чёрного моря“ (уже не героя, но бога)... с центром именно на Березани (о чем свидетельствует большее число находок посвящений Ахиллу Понтарху) нельзя объяснить ничем, кроме как непреходящими и древнейшими местными представлениями об *Áhi*-Змее, Верховном божестве и Первопредке. И очевидно, что не „милетцы возвысили Ахилла до бога“... а милетцы, зная, конечно, лишь гомеровского героя Ахилла, столкнулись

в Северном Причерноморье с гораздо более важным и древним местным божеством — *Áhi-Змею*. Этим же объясняется, на мой взгляд, и устойчивость в течение почти тысячелетия культа Ахилла в Северном Причерноморье.

...прекращение существования Бейкушского святилища в начале V в. до н. э. и отсутствие «змеиных» компонентов культа Ахилла в других местах Северного Причерноморья может быть объяснено тем, что *Áhi* — „Змей-первопредок“ был для греков-колонистов, очевидно, в целом уже чуждым божеством...

...последующий перенос центра почитания Ахилла на остров Левке представляется реализацией потребности привести важный для дальнейшей колонизации культ (отказаться полностью от самого культа *Áhi-Змея* — „хозяина“ Северного Причерноморья колонистам, окруженным „варварами“, было явно невыгодно) в соответствие с уже существовавшими легендами о Белом острове и гомеровским Ахиллом, а также с „нормами“ Дельфийского оракула, которым явно не отвечал „варварский“ Бейкуш» (С. 357–358).

До сих пор наша рецензия носила в основном обзорный характер, поскольку, несомненно, выдающийся труд В. Г. Лазаренко, изданный тиражом всего 100 экземпляров, заслуживает того, чтобы быть представленным с максимально возможной полнотой. Под конец необходимо сказать о том важном аспекте в образе Ахилла, который кажется нам явно недооцененным в рассматриваемой книге, — это наличие неиндоевропейских черт в образе Ахилла. Данный образ — явление в высшей степени сложное, многослойное, что во многом обуславливает его дискуссионность. Автор наглядно показал редкость памятников культа Ахилла в Греции в историческую эпоху, убедительно проследил индоевропейские корни этого героя-бога, однако лишь мельком (со ссылкой на гипотезу автора данной рецензии) отметил тот факт, что в его образе есть черты ближневосточного умирающего и возрождающегося божества, спутника Великой богини. Эти черты видятся нам в следующем. Прежде всего, в тесной связи Ахилла с растениями. Эта связь

прослеживается не только на граффити из Бейкушского святилища (*Шауб*, 2002а; 2007; 2011), но и в других местах его причерноморского культа (*Коршунков*, 1989. С. 32–34)⁵. Растительность отнюдь не всегда ассоциировалась с Мировым деревом индоевропейцев, но всегда — с Великой богиней. Особенно ярко эта связь выступает на памятниках минойского Крита (см., например: *Evans*, 1901), но прослеживается она также и в Северном Причерноморье (*Шауб*, 2016). Водный (морской) аспект в образе Ахилла также, скорее всего, еще доиндоевропейский⁶; то же можно сказать и об Ахилле — владыке мертвых, которого можно сравнить с критскими Миносом и Радамантом. Еще одна мифологическая черта, ассоциирующая Ахилла с Великой богиней, — это травестия (в истоках, несомненно, ритуальная), когда его, облачив в женскую одежду, скрыла Фетида на острове Скирос; его сокрытие (временная смерть), а затем обнаружение (возрождение) полностью вписывается в круг идей, связанный с умирающим и возрождающимся божеством, спутником Великой богини всего сущего. Все это вряд ли имманентно реконструируемому индоевропейскому Первопредку, но данный комплекс представлений типичен для религии Анатолии и, шире, всего древнего Ближнего Востока⁷.

Связь Ахилла с Великой богиней Эгеиды наглядна и в других аспектах его мифологии. Так, его мать Фетида, несомненно, являлась одной из ее воплощений (*Шауб*, 2012. С. 7). Кроме того, другие ипостаси Богини (Ифигения,

⁵ Эта небольшая, но ценная работа, является одной из немногих, отсутствующих в библиографии рассматриваемой монографии.

⁶ О минойских представлениях о море как первоистихии см. *Schefold*, 1958.

⁷ Вероятно, характерный для ближневосточных народов пессимизм в отношении загробного мира нашел отражение в знаменитом гомеровском пассаже, где Ахилл говорит пришедшему в царство мертвых Одиссею, что лучше быть последним поденщиком на земле, чем царствовать над покойниками (таким образом, раскрывая себя именно в качестве повелителя загробья).

Елена и др.) выступают в мифах в качестве супруг Ахилла (Шауб, 2002а; 2007; 2011).

Да и связь со змеями могла быть не только индоевропейским, но и минойским наследием (в частности, в лице Фетиды, чьи змеиные черты отмечены В. Г. Лазаренко); судя по многочисленным археологическим памятникам, у критян, которые основали Милет, культ змей был одним из главенствующих форм поклонения Великой богине. Эта ассоциация доиндоевропейского почитания змей (см. *Gimbutas*, 1989. P. 121–137) с Ахиллом совершенно не обязательно должна была проявляться в культе этого полиса, но могла сохраняться в генетической памяти милетян — потомков минойцев, их коллективном бессознательном (в комплексе Великой богини и ее спутника).

При допущении многоипостасности не только самой Богини, но и ее спутника, снимаются дискуссии о том, кто был ее паредром в Северном Причерноморье: Ахилл, Геракл, Аполлон или Дионис. Это мог быть любой из них в зависимости от конкретных обстоятельств (подобно тому, как и сама Богиня могла выступать в различных ипостасях: Афроди-

ты, Деметры, Афины и др.) (Шауб, 1999; 2007; 2011).

Завершая рассмотрение книги В. Г. Лазаренко, еще раз отметим, что ее тематика далеко выходит за рамки собственно культа Ахилла. Никогда не теряя из виду своей магистральной темы, автор попутно рассматривает целый ряд мифологических образов, в той или иной степени связанных с Ахиллом, причем и здесь нередко не только находят новые аргументы для подкрепления уже существующих гипотез, но и демонстрирует свой оригинальный взгляд на анализируемые им вопросы. Ценность вклада В. Г. Лазаренко в изучение культа Ахилла и, более того, религиозной жизни обитателей Северного Причерноморья не только античной, но и предшествующих эпох, и еще шире — в исследование греческой мифологии представляется несомненной.

Отрадно, что В. Г. Лазаренко и после издания рецензируемой монографии продолжает свои исследования, результаты которых, также представляющие несомненный интерес, опубликованы им в больших статьях (Лазаренко, 2018; 2019а; 2019б; 2019в).

Буйских, 2001 — Буйских С. Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // *ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ*. Памяти Ю. Г. Виноградова. Севастополь: Херсонесский музей, 2001. С. 34–41 (Херсонесский сборник; Вып. XI).

Коршунков, 1989 — Коршунков В. А. Культ Ахилла в Северном Причерноморье и хвойные растения // Скифия и Боспор: Тез. конф. Новочеркасск, 1989. С. 32–34.

Лазаренко, 2014 — Лазаренко В. Г. Истоки медицины и атлетических состязаний Древнего мира. Ижевск: Изд-во ИЖГТУ, 2014. 388 с.

Лазаренко, 2018 — Лазаренко В. Г. О мнимом сходстве образов Ахилла и Аполлона // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб., 2018. Т. X. С. 155–188.

Лазаренко, 2019а — Лазаренко В. Г. Особенности культа Ахилла в Крыму и на Азиатском Боспоре // БИ. 2019. Вып. XXXIX. С. 20–57.

Лазаренко, 2019б — Лазаренко В. Г. Реликты древнейшего культа змей в Северном Причерноморье античного времени // Вісник заповідника «Кам'яна Могила». Вип. IV. Запоріжжя: Дике Поле, 2019. С. 115–132.

Лазаренко, 2019в — Лазаренко В. Г. Сообщения Геродота о неврах, агафирсах и будинах в контексте древних культов Северного Причерноморья // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб. 2019. Вып. XI. С. 18–75.

Лапин, 1966 — Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1966. 238 с.

Ростовцев, 1918 — Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 177–197.

Русяева, 1975 — Русяева А. С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975. Вып. 2. С. 174–185.

- Русяева*, 2005 — *Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев: Стилос, 2005. 559 с.
- Русяева*, 2006 — *Русяева А. С.* Святилище Ахилла на Тендре в контексте истории и религии Ольвии Понтийской // ВДИ. 2006. № 4. С. 98–123.
- Терещенко*, *Шауб*, 2018а — *Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* Особенности типологии пантикапейской чеканки // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб.: Изд.-полиграф. центр СПбГУ промышленных технологий и дизайна, 2018. Ч. I. С. 139–145.
- Терещенко*, *Шауб*, 2018б — *Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* О семантике образа муравья на монетах Пантикапея // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб. 2018. Вып. X. С. 146–160.
- Топоров*, 1972 — *Топоров В. Н.* К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // Античная балканистика. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1972. С. 24–38.
- Топоров*, 1990 — *Топоров В. Н.* Об архаичном слое в образе Ахилла // Образ-смысл в античной культуре. М.: ГМИИ, 1990. С. 64–95.
- Трубачёв*, 1999 — *Трубачёв О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Шауб*, 1999 — *Шауб И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. Кишинев: Высшая школа антропологии, 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 207–224.
- Шауб*, 2002а — *Шауб И. Ю.* Ахилл — бог Северного Причерноморья // Новый часовой. 2002. № 13–14. С. 356–367.
- Шауб*, 2002б — *Шауб И. Ю.* Ахилл на Боспоре // БФ: Погребальные памятники и святилища. Ч. I. 2002. С. 186–189.
- Шауб*, 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб*, 2011 — *Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.
- Шауб*, 2012 — *Шауб И. Ю.* О семантике изображений на золотом браслете из Куль-Обы // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб., 2012. Вып. V. С. 5–9.
- Шауб*, 2016 — *Шауб И. Ю.* Эллинское и варварское в курганах Боспора Киммерийского (мотив растительности) // Цивилизация и варварство. Вып. V / Отв. ред. В. П. Буданова, О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2016. С. 229–244.
- Яйленко*, 2013а — *Яйленко В. П.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–V вв. до н. э. М.: Onebook.ru, 2013. 348 с.
- Яйленко*, 2013б — *Яйленко В. П.* Скифский Ахилл в Северном Причерноморье VIII–V вв. до н. э. и его индоарийские истоки // ДБ. 2013. Т. 17. С. 377–406.
- Bujskikh*, 2006 — *Bujskikh S.* Kap Beikuš — Kap des Achilleus: eine Kultstätte des göttlichen Heros im Mündungsgebiet des Bug // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. von J. Hupe. Rahden/Westf.: Leidorf, 2006. S. 111–153.
- Cook*, 1914; 1925; 1940 — *Cook A. B.* Zeus. A Study in Ancient Religion. Vol. I. 1914. 885 p.; Vol. II. 1925. 858 p.; Vol. III. 1940. 1330 p. Cambridge: Cambridge University Press.
- Escher-Bürkli*, 1893 — *Escher-Bürkli J.* Achilleus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart. Bd. I, 1. Stuttgart, 1893. Sp. 221–245.
- Evans*, 1901 — *Evans A. J.* The Mycenaean Tree and Pillar Cult // Journal of Hellenic Studies. London. 1901. V. XXI. P. 99–204.
- Gimbutas*, 1989 — *Gimbutas M.* The Language of the Goddess. New York: Thames & Hudson, 1989. 388 p.
- Mannhardt*, 1875 — *Mannhardt W.* Antike Wald- und Feldkulte. Berlin: Gebr. Borntraeger, 1875. 668 S.
- Schefold*, 1958 — *Schefold K.* Die Bedeutung der griechischen Meerbilder // Antike Kunst. 1958. №. I. S. 3–5.